

— Сегодня в этом зале я хочу спросить: как Ваше Величество может быть жестоким? Как этот зал может быть несправедливым? Зачем кому-то нужно жертвовать жизнью ради справедливости?

В конце своей речи Шэнь Нянь выпрямился, его глаза сверкали, как меч, вынутый из ножен, а слезы придали им красноватый оттенок, скрывая искаженный, жестокий блеск. Все, на кого он смотрел, почувствовали холод на шее.

Перед вопросом молодого маркиза — усмирителя Севера зал погрузился в тишину. Многие придворные молча отвели взгляд, боясь встретиться глазами с Шэнь Нянем, опасаясь увидеть в его взгляде души, не нашедшие покоя.

Через мгновение Ци Цзюньму поднялся с трона. Император, облаченный в сложное и величественное драконье одеяние, медленно спустился по белым яшмовым ступеням к Шэнь Няню.

Он наклонился и помог ему подняться, как это сделал в тот день в Прощальном павильоне.

В тишине зала император тихо произнес:

— Маркиз — усмиритель Севера, вы потрудились. Солдаты Северных рубежей тоже потрудились. Все воины, защищающие спокойствие Великой Ци, заслуживают благодарности.

Этот маркиз — усмиритель Севера относился и к Шэнь Няню, и к Шэнь И.

Линь Сяо, увидев это, первым опустился на колени и воскликнул:

— Ваше Величество мудр, да здравствует император!

Остальные постепенно последовали его примеру, возглашая мудрость императора. После этого кто осмелится поднять этот вопрос? Кто осмелится говорить о жестокости и бездарности императора?

Ци Цзюньму, глядя в глаза Шэнь Няня, полные обиды и сдержанности, перед тем как отпустить его, невольно поднял руку и похлопал его по плечу.

Император чувствовал, что эти слова, помимо того что помогли ему выйти из затруднительного положения, были искренними. Шэнь Нянь был молод, его плечи были еще узкими. Его отец защищал Северные рубежи до самой смерти, прежде чем вернуться на родину.

У Шэнь Няня не было полноценной семьи, а те, кого он защищал, ссорились из-за мелочей, связанных с его семьей. У него было множество семейных проблем, но он все еще должен был действовать в интересах армии Северных рубежей и терпеть.

Шэнь Нянь был в ярости, но он не мог выразить эту ярость, боясь навлечь беду на Шэнь И и армию Северных рубежей. Сегодняшняя речь в зале дала ему возможность выпустить пар.

Шэнь Няню хотелось ткнуть пальцем в этих людей и сказать: мы проливаем кровь и рискуем жизнью, в то время как вы едите вкусную еду и пьете вино. Как у вас хватает совести завидовать императорской милости?

Если у вас есть способности, идите сами на войну, проливайте кровь и умирайте, тогда и награды будут вашими.

Почувствовав безмолвное утешение императора, Шэнь Нянь с удивлением поднял глаза.

Ци Цзюньму встретился с ним взглядом и внезапно убрал руку, чувствуя некоторую неловкость.

Император неосознанно потер пальцы, отошел и вернулся на свой трон, сказав:

— То, о чем говорил маркиз — усмиритель Севера, должно быть понятно и цензору Гуань Ханю. Если столичный градоначальник не смог выяснить ничего другого о смерти Гуань Ханя, пусть этим займется маркиз — усмиритель Севера.

Увидев, что кто-то хочет возразить, император холодно усмехнулся:

— Мое решение окончательно, пусть будет так.

Почувствовав недовольство императора, придворные не осмелились больше говорить.

Их попытка объединиться и давить на императора была разрушена страстной речью Шэнь Няня, и теперь, столкнувшись с гневом императора, они могли только отступить.

Не каждый был готов умереть, и не каждый был готов уйти в отставку.

— Если у вас больше нет дел, заседание окончено. Маркиз — усмиритель Севера, следуй за мной, — сказал Ци Цзюньму, поднимаясь.

Чиновники почтительно проводили императора, а Шэнь Нянь, с покрасневшими глазами, молча встал и последовал за ним.

Линь Сяо, наблюдая за их уходом, глубоко вздохнул.

Сегодня в зале Шэнь Нянь спас положение. Его слова были резкими, но они были правдивы.

Шэнь Нянь шел за императором в сторону Чертога Цяньхуа.

Пройдя некоторое расстояние, он заметил, что Ци Цзюньму не собирается садиться в паланкин. Шэнь Нянь слегка удивился, понимая, что император делает это намеренно, и ускорил шаг, сократив расстояние между ними до полушага.

Жуань Цзицин взглянул на Шэнь Няня и, видя, что император не возражает, поспешно опустил голову.

Ци Цзюньму даже не повернул головы, спросив:

— Что ты думаешь о смерти Гуань Ханя?

Жуань Цзицин, услышав это, понял, что император хочет поговорить с Шэнь Нянем, и отстал на несколько шагов, сопровождая их на расстоянии с группой евнухов и служанок.

Шэнь Нянь подошел к Ци Цзюньму и прямо ответил:

— Ваше Величество, я еще не видел человека, поэтому у меня нет мнения о господине Гуань.

Заметив, что император посмотрел на него, Шэнь Нянь подумал про себя, что император довольно высок для своего возраста, почти такого же роста, как он сам, а может быть, даже

немного выше, и продолжил:

— Но я думаю, что раз прошло так много дней, и хотя холод замедлил разложение тела, а столичный градоначальник тщательно осмотрел место происшествия, я, вероятно, не смогу найти ничего особо ценного.

— Почему ты задаешь тон неудаче, даже не начав расследование? — удивился Ци Цзюньму. Разве не следовало бы выразить решимость выяснить правду?

Шэнь Нянь не стал скрывать свои мысли:

— Первое задание, которое Вы поручили, я не смогу выполнить. Это подведет Ваше доверие, и я боюсь, что Вы потом будете слишком разочарованы. И с меня взыщут.

— Я верю в тебя, маркиз, — Ци Цзюньму не поддался. — Ты смог вырваться к жизни в самых отчаянных ситуациях на Северных рубежах, и это дело тебе по силам.

Шэнь Нянь промолчал.

Они оба понимали, что вода в столице гораздо мутнее, чем на Северных рубежах. На границе все просто: либо ты живешь, либо умираешь, и желание жить помогает выжить. В столице же все переплетено, и даже самое маленькое расследование может привести к влиятельным людям.

Иногда здесь просто трудно выжить.

Император вручил Шэнь Няню раскаленную картошину, не позволяя ему отказаться от этой «милости».

После этого они шли молча, проходя через Ивовый переулок. Это была дорога, ведущая от переднего двора к внутренним покоям. Пройдя переулок, они оказались у Чертога Цяньхуа, ближайшего к Чертогу Циляня, где проходили заседания.

У входа в Чертог Цяньхуа раздался крик птицы.

Ци Цзюньму остановился, наблюдая за маленькой птицей, сидящей на карнизе и время от времени клюющей снег на черепице.

Жуань Цицин, увидев это, чуть не лопнул от тревоги. Если бы он мог, он бы оттолкнул Шэнь Няня и произнес бы множество приятных слов, чтобы угодить императору.

Шэнь Нянь тоже смотрел на птицу, но она казалась ему просто черной и с облезлым хвостом, и он не мог понять, что в ней интересного.

Ци Цзюньму, отводя взгляд, заметил разочарованное выражение Шэнь Няня и с улыбкой произнес:

— Мне кажется, это интересно. Холод еще не отступил, а птица уже прилетела.

Это показывало, насколько сильна жизнь.

Эти слова Ци Цзюньму не произнес вслух, он лишь думал, что сам похож на эту птицу, пережившую зиму и смерть, но дождавшуюся весны.

Шэнь Нянь, глядя на смягчившиеся черты лица императора, на мгновение увидел в его поразительно ясном лице смесь мрачности и нежности.

Но это выражение исчезло с лица императора так быстро, что Шэнь Нянь решил, что ему показалось.

Ци Цзюньму пригласил Шэнь Няня войти в Чертог Цяньхуа и отпустил всех слуг, оставив только их двоих.

Когда Жуань Цзидин закрыл двери снаружи, император указал на стул, давая понять Шэнь Няню, что можно сесть без церемоний.

Шэнь Нянь не стал церемониться, поблагодарил императора и сел.

Ци Цзюньму сказал:

— Дело Гуань Ханя нужно расследовать до конца. Я поручу Ян Цзинлэю помочь тебе. Среди моих телохранителей есть два ловких парня — Ху Цзэ и Ван Цзюнь. Они сообразительные, и ты сможешь их натренировать.

Шэнь Нянь быстро уловил суть:

— Ваше Величество имеет в виду, что командующий Ян будет подчиняться мне.

Ци Цзюньму на мгновение задумался:

— Если хочешь так считать, то да.

Шэнь Нянь с радостью ответил:

— Благодарю Ваше Величество.

Ян Цзинлэй был левым командующим дворцовой стражи, он представлял императора, и это значительно упростило бы многие расследования.

За одно это Шэнь Нянь был готов поблагодарить императора.

Ци Цзюньму был не привык к такой прямолинейности. Придворные обычно говорили замысловато, а Шэнь Нянь был прям, словно говорил то, что думал, не боясь вызвать чье-либо недовольство.

<http://bllate.org/book/16626/1522010>